
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
МАРИНА МАРТОВА
БУМЕРАНГ для ПРЕДАТЕЛЯ
ИЗМЕНА
ВЫ ЗАБРАЛИ У МЕНЯ будущее
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Марина Мартова

Измена. Вы забрали у меня будущее

https://litres.ru/74901159
SelfPub; 2026

Аннотация

Шестой месяц беременности, любимый мужчина и наша скорая свадьба... всё перечёркнуто его изменой с моей лучшей подругой.

Он говорит, что это было ошибкой, и просит не отменять свадьбу, но разве можно верить предателю?

Встречается ненормативная лексика и жестокие сцены.

Марина Мартова
Измена. Вы забрали у меня будущее

Глава 1

Соня

Их стоны я слышу ещё в коридоре.

Животные. Громкие. Пошлые.

Слышу, но упрямо заставляю себя идти дальше, хотя ноги почти не держат меня. От жёсткого выброса адреналина малыш внутри начинает пинаться, и я осторожно касаюсь похолодевшими пальцами выпирающего живота, медленно поглаживаю его круговыми движениями.

Конечно, напряжение не проходит, но мысли о ребёнке отрезвляют меня.

Не паникуй, не вздыхай, не реви, Соня!

Они не сломают тебя!

Не прячь голову в песок, это не поможет!

Лучше узнать горькую правду сейчас!

Останавливаюсь на пару секунд, рукой опираюсь на шершавую серую стену.

Глубоко дышу, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями и удержать внутри ту адскую боль, что сейчас выкручивает меня, ломает, с глухим треском перемалывает всю ду-

шу.

Хватит!

Чёрт возьми, хватит, Соня!

Не смей сдаваться!

Ты сильная и тебе есть ради кого жить!

Выпрямляюсь, с силой, которой в себе совершенно не чувствую, отталкиваюсь от стены и медленно продолжаю свой путь к эшафоту… к той правде, которая разрушит меня и, возможно, убьёт.

Мрачный коридор с тусклым приглушённый светом сейчас напоминает мне туннель в ад… мой личный ад с персональным дьяволом… до невозможности любимым дьяволом, который решил сегодня вырвать мне сердце.

Подхожу к распахнутой настежь двери. Почти не дышу, когда медленно делаю шаг внутрь.

От представшей передо мной мерзкой картины меня начинает трясти.

Дикая боль мгновенно ошпаривает все внутренности, кипятком несётся по венам, выжигает всё… я замираю в проходе, а она ни на секунду не останавливается и продолжает крошить всё внутри меня, ломать кровоточащее сердце на части, в безжизненные лоскуты раздирает смертельно раненную душу…

Одно мгновение и внутри остаётся выжженная пустыня.

Нет меня больше.

Убита, повержена, разодрана этими ненасытными тваря-

ми.

Как же хорошо они притворялись, как здорово играли свои роли, как весело, наверно, смеялись за моей спиной…

Любимый жених, отец моего ребёнка и лучшая подруга, почти сестра…

Мерзкие двуличные твари.

Они, не замечая меня, продолжают дико жёстко сношаться, а я прикрываю рот рукой, чтобы меня не вывернуло наизнанку от боли, злости и ненависти, что бушуют сейчас внутри… а потом ярость вдруг накрывает и глушит все другие эмоции.

Я расправляю опущенные плечи, заставляю себя сделать глубокий вдох и громко бросаю в пропахшее их сексом пространство:

- Браво, животные! – нахожу в себе силы аплодировать предателям стоя.

- Ох…

- Соня…

Испуганно поворачиваются, быстро отскакивают друг от друга и выдыхают эти твари одновременно.

- Надень трусы, подруга, простынешь, – говорю, а у самой язык еле ворочается. Безумная боль яростными волнами накатывает снова и снова.

Не прохожу дальше в кабинет, потому что ног совершенно не чувствую, но хрен они у меня догадаются, насколько мне плохо.

Прислоняюсь плечом к дверному косяку и перевожу взгляд с одного на другого.

Любимый жених и подруга… предатели, лжецы… убийцы!

Как же тошно смотреть сейчас на них!

Щёки раскраснелись, движения рваные, натянутые на лица скорбные гримасы… неужели им стыдно?!

- Зачем ты так? – сипло шепчет Лена и быстро опускает задранное до талии платье.

- Как?! – зло рявкаю. Сил сдерживать эмоции совершенно нет.

- Соня, давай успокоимся и поговорим как взрослые люди, - о, глядите-ка, дипломат прорезался! Ширинку ещё не успел застегнуть, а уже вещает что-то народу!

Козлина!

Устремляю на жениха полный лютой ненависти взгляд.

Он ещё смеет мне что-то говорить?! Советы раздавать вздумал?!

- Пошёл ты в задницу со своим разговором, Андрюша! – вкладываю в эти слова всю свою боль и ненависть, что бурлят сейчас внутри меня, режут, рвут сердце на части, а у Андрея брови удивлённо вверх приподнимаются.

Что не ожидал от меня таких слов, милый?!

Думал, я буду терпеливой овечкой, которая схавает твоё скотское блядство?!

Что ж я тебя разочарую, лю-би-мый!

Андрей шумно выдыхает, а мне так хочется чем-нибудь запустить в него, аж пальцы покалывает.

- Соня, ты не в себе. Я понима…

А вот на этой фразе я не выдерживаю и начинаю смеяться. Громко. Безумно. Страшно.

Сквозь выступившие на глаза слёзы замечаю, что Андрей делает шаг ко мне, и быстро выставляю вперёд руку. Смех резко обрывается.

- Понимаешь? – сиплый хрип, - ни хрена, ты, кажется, не понимаешь, Андрюша. Ты только что в её трусах потерял не только свой член, но и наше будущее!

- Соня, мы сейчас поедем домой и поговорим, обсудим всё, - спокойно произносит Андрей, но в его голосе я чётко улавливаю сильное волнение.

- Вот тут ты прав. Я поеду домой и соберу твои вещи, а вы поедете к Леночке и решите, как будете жить дальше.

- Соня, я не хотела, чтобы так всё… - что-то тихо мямлит у стены растрёпанная подруга, закусывает нижнюю губу и смотрит на меня полными слёз глазами.

Невинный оленёнок, ага-ага.

- Ой, вот не нужно этих твоих игр, Лена! Я не лопоухий кобель, чтобы на них вестись! – окидываю любовников брезгливым взглядом, - короче! Счастья вам, твари!

Усилием воли заставляю себя развернуться. Больно цепляюсь плечом за косяк, но не издаю ни звука. Если сейчас открою рот, то вся боль из кровоточащей раны безумным

криком вырвется на волю, а я не могу позволить себе этого!

Только не рядом с ними!

Ни за что!

Быстро шагаю по коридору. Непослушные ноги запинаются, меня мотает, и я то и дело задеваю рукой или плечом стену, но эта боль ничто по сравнению с тем, что сейчас творится у меня внутри.

С каждым шагом моё сердце в груди стучит всё тише, все медленней… его будто безжалостно вырезают из меня по сантиметру ржавым тупым скальпелем без наркоза, с холодным убийственным удовольствием… на живую выдирают из меня жизнь…

- Соня, постой! – слышу крик Андрея и выскакиваю на улицу.

Останавливаюсь на мгновение на площадке перед лестницей. Морозный ветер бьёт в лицо, бросает в меня ледяные снежинки, и я с удовольствием полной грудью вдыхаю холодную свежесть декабрьского вечера.

Позади хлопает дверь, и Андрей резко хватает меня за руку.

- Отпусти! Не смей трогать после неё! Предатель!!! – голос срывается, а я пытаюсь вырваться из его захвата.

- Нет, - с каким-то сумасшедшим отчаянием смотрит мне в глаза, - это ошибка, я люблю тебя, Соня, дай мне всё исправить, - полным решимости голосом произносит, и я бы поверила ему… раньше, а сейчас я знаю, грош цена всем его

красивым словам.

- Отпусти, - спокойнее повторяю, но в голосе моём холод и сталь.

Андрей несколько мгновений смотрит в мои глаза диким безумным взглядом, а потом резко притягивает к себе, крепко обнимает, что-то шепчет мне в макушку.

Я слышу, как быстро и гулко бьётся его чёрное лживое сердце… а потом… Боже, я чувствую её сладкий аромат, исходящий от него... и снова обжигающая ненависть растекается внутри, в груди всё тут же болезненно сжимается, и я громко кричу, отчаянно вырываясь:

- Ненавижу! Предатель! Отвали от меня!

Задыхаюсь от вновь вспыхнувшей в душе боли. Малыш сильно пинается, а живот вдруг напрягается и начинает мучительно ныть.

Ледяной ужас прокатывается по спине.

Нет… нет, только не ребёнок…

Прекращаю сопротивляться.

Да к чёрту их обоих!

Главное – мой малыш!

Пытаюсь выровнять дыхание, но через секунду сгибаюсь пополам в ненавистных объятиях от жуткой боли простреливший низ живота.

Безумный страх ледяной волной прокатывается по телу.

Боже, нет! Только не мой малыш…

Глава 2

Соня

- Соня, что с тобой?! – кричит Андрей и наклоняется ко мне. От него фонит таким же неподдельным ужасом, как и от меня.

- Скорую… вызови скорую… - едва шевелю губами, резкая боль раскалывает сознание.

- Сейчас… Соня, я сейчас!

Андрей приподнимается, аккуратно придерживая меня одной рукой, а второй вытаскивает телефон… а дальше всё происходит так быстро, что я ничего не успеваю понять и сделать.

Дверь резко открывается и на Андрея налетает Лена. Он двигается вперёд, толкает меня, не удерживает одной рукой и в следующее мгновение я, громко вскрикнув и взмахнув вверх руками, лечу по крутой лестнице вниз…

Время замирает, дыхание останавливается, пульс исчезает.

Кажется, кто-то кричит… или это я молю о пощаде?

Мир вокруг меня кружится, тело бьётся об острые железные ступени, адская боль раздирает, и страх… ледяной ужас пульсирует сейчас вместо крови внутри.

А потом всё резко замирает, и я вижу над собой тёмное зимнее небо, снежинки ворохом кружат вокруг меня, словно заворачивая меня в тончайший белый саван.

Хочу, но не могу поднять руки. Кажется, из носа течёт кровь, попадает мне в горло, и я сильно закашливаюсь…

между ног тепло, липко и больно, голова начинает кружится, и я закрываю глаза… а внутри с каждой секундой всё быстрее разливается кромешная пустота…

А дальше свет… много яркого света и руки… я чувствую чьи-то тёплые пальцы, сжимающие мою ладонь…

Снова выпадаю из реальности, а потом слышу голоса.

Громкие. Надсадные. Отчаянные.

Или это один голос… мужской… почему-то он кажется мне знакомым…

- …её… спасите её!!!

-… сильная кровопотеря… разрыв… ребёнок не…

- Она должна жить!!! – снова этот отчаянный крик.

Я слышу его сквозь ту пустоту, которая уже захватила меня… сейчас она правит балом, а я совершенно не чувствую себя, не ощущаю своё тело, не владею сознанием.

Снова яркий свет и чьи-то глаза надо мной… или мне это кажется?

И снова я проваливаюсь в пустоту… и плач… детский плач, который рвёт в кровь мою душу, заставляет материнское сердце гулко отчаянно биться о рёбра…

А потом всё резко обрывается, и я возвращаюсь в реальность. Слышу унылое пищание приборов, ощущаю едкие запахи лекарств и хлорки, разлитые в воздухе, чуть двигаю рукой и чувствую иглу, воткнутую в вену.

Я в больнице.

Только успеваю осознать это и снова проваливаюсь в

крепкий сон.

- Нет. Вы не смеете мне указывать! Вы пациентке никто! – недовольный мужской голос будит меня.

Очень хочется пить, горло совсем пересохло и ужасно болит, как собственно и всё тело. Молчу, глаза не открываю, веки будто налились свинцом. Прислушиваюсь к себе, а кто-то совсем рядом продолжает тихо ругаться.

- Я Вас уничтожу, слышите?! Вас и вашу больницу, если посмеете открыть рот, и она хоть что-то узнает! – это Андрей? Никогда не слышала его такой злой шипящий голос.

Почему он кричит?

Что со мной?

- Как Вы не понимаете, я не имею права молчать о таком, - уже тише произносит незнакомый мне голос, - София Ивановна, всё равно рано или поздно узнает о том, что произошло. Я не пойду на подлог!

О чём они говорят?

Хочу спросить, но не могу открыть рот. Я совершенно не владею собой.

- Я не прошу менять что-то в карте, я прошу только молчать, если вдруг что-то спросит и…

- Ммм… - всё же тихо простонать получается, и я поворачиваю голову на голоса. Морок ещё туманит сознание, и я не уверена, что всё, что я слышу реально.

- Соня, любимая, как ты?

Андрей.

Ответить не могу, горло дерёт, и открыть глаза и моргнуть не получается.

- Выйдите из палаты! Вам нельзя здесь находится!

- Не смейте! Я надеюсь, Вы меня поняли! – и снова зловещее шипение рядом.

Хочу потянуться к Андрею, но неожиданно слышу ещё один голос и меня мгновенно окатывает ледяной волной:

- Андрей, пойдём, пусть врачи работают.

Лена. Подруга. Предательница.

И тут же яркие образы всплывают в памяти.

Он и она в кабинете, боль в животе и падение.

Сердце заходится в рваном ритме, пальцы начинают подрагивать, бешеный пульс отдаётся в висках.

Морок рвётся, и сознание становится кристально ясным.

Я всё вспоминаю.

Громкий писк приборов разрывает тишину палаты, кто-то зовёт на помощь, вокруг начинают бегать, со скрежетом двигаются приборы, выдвигаются ящики… а я задыхаюсь в безумном отчаянии.

Чувствую, как мне что-то вкалывают, и сознание быстро затуманивается, но я из последних сил продолжаю снова и снова безмолвно кричать в утягивающую меня пустоту:

- Что с моим малышом?! Что с ним?!

Глава 3

Андрей

Пиздец!!!

Пиздец!!!

Полный, блядь, пиздец!!!

Не видя ничего вокруг, не замечая прохожих и почти не дыша, срываюсь с места и несусь вниз по больничной лестнице до первого этажа. Задеваю кого-то плечом, некоторых просто сшибаю.

Плевать!!!

Не останавливаюсь, лечу на грёбаном автопилоте дальше.

В груди печёт, горит, ломает.

До хруста сжимаю ладони в кулаки, задыхаюсь, не знаю, что сделать… как потушить тот пожар, что внутри сейчас всё к херам сжигает, как унять бешеные эмоции, что не дают жить, дышать, думать??

Как это возможно?!!!!

Как это всё произошло?!!!!

Как случилось?!!!!

Добегаю до первого этажа и, не задерживаясь ни на секунду, выскакиваю из больницы на улицу. Дверь за мной с грохотом закрывается, а я впиваюсь онемевшими пальцами в железные перила, задыхаюсь от безумной боли, что разрывает меня изнутри, и, наконец, поддаюсь ей, сгибаюсь пополам.

Боже… как это возможно?!

Как?!

Я за секунду потерял всё… всё… абсолютно всё!!!

Бушующий внутри меня ураган уничтожает всё, крушит, ломает, а адская боль раздирает остатки моего дико бьюще-

гося в агонии сердца…

Соня… Боже, за что это всё ей?!

Почему она?!!!!

Почему наш сын?!!!!

Перед глазами тут же встаёт перепачканное кровью и грязью бледное безжизненное лицо моей девочки, и меня вновь охватывает тот же смертельный ужас и безумный страх потерять её.

Задыхаюсь, бешеный рваный стук сердца закладывает уши, а я сдохнуть хочу от того ада, в который я с каждой секундой всё глубже и глубже проваливаюсь.

«Ребёнка не удалось спасти».

В памяти вновь звучат холодные, сказанные без каких-либо эмоций слова хирурга, и я впервые в жизни чувствую, как слёзы подступают к глазам.

Поднимаю голову вверх, выпрямляюсь, задерживаю на несколько мгновений дыхание, а потом с дикой яростью бью кулаками по заледеневшим перилам… ещё, ещё и ещё, выпуская наружу всю ту боль, что сжирает меня.

Железные перила дёргаются, гнутся, издавая жалобный скрип, но я продолжаю бить, всё сильнее раздирая руки. Кровь густыми каплями падает вниз, но я не чувствую физической боли. Она ничто по сравнению с тем, что творится внутри.

- Андрей, остановись, - тихо раздаётся позади и меня будто током прошибает от этого голоса.

Лена.

Резко оборачиваюсь, впиваюсь глазами в её лицо… бледное, осунувшееся, заплаканное.

Смотрю на неё и не понимаю, что чувствую.

Сейчас не понимаю, а ещё несколько часов назад эта женщина вызывала у меня азарт, дикую страсть и безудержное желание.

Запретный плод.

Лучшая подруга моей невесты… блядь, да какая Соня мне невеста?!

Жена она моя уже была!

Да, не по бумагам, но по совести и по жизни!

Жена!

А я предал её. Не пожалел, не подумал… не уберёг от себя.

- Зачем ты здесь? – хрипло спрашиваю, а она тянется к моим окровавленным рукам.

Отдёргиваю их, не хочу, чтобы прикасалась, и впиваюсь хмурым взглядом в её большие зелёные глаза, в которых сам утопал ещё совсем недавно.

- Я её… подруга, - запинается на последнем слове, и одинокая слеза медленно стекает по её щеке, а Лена вдруг всхлипывает и обхватывает себя руками.

Наверно, мне нужно обнять её сейчас, но я не двигаюсь. Не могу.

Мы с ней сейчас как два комка грязи, которым даже к друг

другу прикасаться противно.

Я предал любовь.

Она наплевала на дружбу.

Мы предатели оба.

Лицемеры.

Лжецы.

Стоим напротив друг друга и молчим.

В её зелёных глазах стоят слёзы, в моих, наверно, видно отчаяние.

Лена всё чаще и громче всхлипывает, будто сдерживается из последних сил, а потом её всё-таки срывает:

- Я не хотела… не хотела, чтобы всё так случилось, - голос хриплый надрывный, она быстро вытирает ладонями текущие по лицу слёзы, кусает до крови губы, - я… Боже, как всё это ужасно…

Закрывает руками лицо и тихо плачет.

Несколько секунд я смотрю, как приподнимаются её маленькие плечи, скрытые сейчас синим пальто, когда она всхлипывает, как она трясётся вся, и не выдерживаю. Делаю шаг вперёд и обнимаю её окровавленными руками.

Она тут же прижимается ко мне, прикасается дрожащими пальцами, а я утыкаюсь носом в рыжую макушку и нехотя вдыхаю её аромат… сладкий, медовый… совсем не такой как у Сони…

Глава 4
Соня

Не знаю сколько времени я провожу в реанимации. Я постоянно сплю, иногда резко выныриваю в реальность, но быстро уплываю обратно.

Возможно, я просто прячусь от жуткой действительности?

Просто не хочу быть здесь?

Или… я просто не хочу жить?

Возможно, так и есть.

Я уже знаю, что моего малыша больше нет.

В одно из моих первых пробуждений я ощутила её… жуткую вымораживающую пустоту внутри… она с каждым моим натужным вздохом разрасталась… и тогда я отчётливо поняла, что его больше нет.

Моего мальчика больше нет со мной.

Я осталась одна.

В тот момент слёз ещё не было, я лишь подрагивающими пальцами осторожно дотронулась до своего живота… абсолютно плоского живота… и вот тут эмоции захлестнули.

Чёрные. Страшные. Безумные.

Они обжигающей лавой пронеслись по телу, выжигая все внутренности, раскаляя моё полуобморочное сознание.

Я хотела одновременно кричать, выть, скулить раненым зверем, биться о стены в спасительной истерике… но я молчала и задыхалась. Хватала ртом воздух, но дышать не могла.

Рядом пищали приборы, но я не слышала их. Слёзы двумя горячими ручейками стекали по моим щекам, а руки, намертво вцепившиеся в больничный матрац, удерживали со-

трясающееся в агонии тело.

Тогда мне снова что-то вкололи, и я опять исчезла из этой реальности… из этого ада, спряталась там, где не чувствовала ничего, где не было времени, не было никаких эмоций… не было жизни.

А сегодня я просыпаюсь уже в другой палате.

Белой. Чистой. Стерильной… как большой саркофаг.

Я взираю на больничные стены безразлично, с долей апатии. Эмоций больше нет… вернее, они живут, где-то во мне, но за несколько часов я превратилась в кусок холодного льда, который не способен что-либо чувствовать.

Я больше не могла выдерживать этой безумной боли, и моё сознание просто заморозило все чувства вместе со мной.

Наверно, это правильно и закономерно… чтобы выжить, только вот нужна ли мне эта жизнь?

Рядом со мной сидит моя мама и ласково гладит меня по лежащей поверх одеяла руке. Я вижу, в её глазах стоят слёзы, и она иногда ладонью быстро стирает скатывающиеся по её бледным впалым щекам прозрачные капли… а я смотрю на неё и не чувствую ничего… абсолютно ничего…

Пустота внутри... холодная звенящая пустота.

- Как ты, доча? – слышу взволнованный голос мамы и застывшим взглядом смотрю ей в глаза.

- Бывало и лучше, мам, - пытаюсь шутить, но получается глупо и неуместно, а во рту растекается горечь.

- Ничего-ничего, Сонечка, до свадьбы заживёт, родная

моя, - мама старается улыбнуться, подбодрить меня. Легко похлопывает по моей руке.

Вздыхаю. От разговоров горло снова начинает саднить, а распухшая губа болезненно ноет.

- Не будет никакой свадьбы, мам, - без эмоций, холодным ровным голосом произношу.

- Как не будет?? Что ты такое говоришь, Соня? Андрей скоро при…

- Свадьбы не будет, - жёстко перебиваю её, прерывая поток ненужных слов, и мама обиженно замолкает, - обзвони, пожалуйста, всех приглашённых и сообщи, что свадьба отменяется, - глухо из-за боли в горле произношу.

Откидываюсь удобнее на подушку и отворачиваюсь к окну.

На улице уже темно, белые хлопья снега вырывает из вечернего сумрака старый фонарь.

Красиво.

А ведь совсем скоро Новый год…

- Соня, объясни мне. Это… это из-за ребёнка ты так решила? – осторожно спрашивает мама.

Медленно поворачиваюсь к ней и смотрю в растерянные глаза. У нас с мамой всегда были доверительные отношения, поэтому и сейчас я не буду от неё ничего скрывать.

- Он изменяет мне, мамуль… с Леной изменяет… думаю, давно.

Мама охает и прижимает ладони к груди, и я даже отсюда

чувствую гулкий рваный стук её сердца.

- Но как же так… Соня, как же так? – она растерянно повторяет один и тот же вопрос, и в этот момент дверь с глухим щелчком открывается.

Все волоски на моём теле мгновенно приподнимаются, а сердце сжимается в дёргающийся кровоточащий комок… тело реагирует ещё не видя, но уже чувствуя бешеную энергетику вошедшего.

Не поворачиваюсь, набираю в грудь побольше воздуха.

Я знаю, что это Андрей… и не удивляюсь, когда слышу его низкий немного хрипловатый голос, от которого я совсем недавно сходила с ума:

- Лидия Васильевна, дайте нам, пожалуйста, поговорить с Соней наедине.

Быстро перевожу встревоженный взгляд на маму и нервно сглатываю. Этот её тяжёлый убийственный взгляд, которым она сейчас смотрит на Андрея, я прекрасно знаю.

- Мамуль, успокойся, не надо… - начинаю, но мама меня перебивает:

- Подожди, доча, - спокойным голосом произносит она, но мы все слышим, как звенит в нём раскалённая сталь.

Мама похлопывает меня по руке и поднимается, перегораживая дорогу моему бывшему жениху.

Глава 5
Соня

Рвано дышу. Сердце, чувствуя рядом Андрея, сбивается с

ритма и стремительно рвётся вперёд, больно бьётся о рёбра. Длинный шов, прикрывающий мою пустоту, начинает мучительно ныть.

Говорю себе, что переживаю за маму, но ещё… я каждой клеточкой своего изрезанного, изуродованного царапинами и синяками тела ощущаю его внимательный, заставляющий меня нервничать взгляд.

Он словно острым скальпелем водит им по моей коже, оставляя незаметные никому, кровавые раны в моей душе…

Какого чёрта он смотрит?

Для чего пришёл? Поглумиться?

Ненавижу!!!

С каждой секундой нахождения Андрея здесь, ледяная корка на моём сердце всё сильнее идёт трещинами, вновь обнажая кровавое месиво, в которое превратилось моё сердце.

Облизываю опухшую и болезненно пульсирующую нижнюю губу, но по-прежнему отказываюсь смотреть на предателя.

- Как хорошо, что ты пришёл, Андрей, - голос мамы всё также вибрирует от скрытых в нём силы и напряжения. Обеспокоенно смотрю, как мама берёт моего бывшего под руку и словно идущий на всех парах локомотив подталкивает Андрея к выходу, - а пойдём-ка мы с тобой сначала поговорим.

О… ну всё.

Именно этого я и боялась.

- Мам… - пытаюсь достучаться до неё, хотя и знаю, что

это сейчас бесполезно.

Мама на мгновение оборачивается и на её лице появляется добрая улыбка, предназначенная только мне. Я знаю, что для Андрея у неё припасён оскал хищника, как и для всех, кто когда-либо имел неосторожность сильно обидеть меня.

- Всё будет хорошо, Сонечка, я скоро приду.

Они выходят, и тонкая больничная дверь за ними с тихим щелчком закрывается.

Выдыхаю. Внутри боль ещё бешено пульсирует, тело ноет, горит.

Немного приподнимаюсь на локтях и удобнее располагаюсь в кровати.

Удивительно, но Андрей спокойно и без сопротивления вышел с мамой, хотя не в его характере прогибаться под желания других.

- Я весь во внимании, Лидия Васильевна, - слышу сквозь дверь холодный, немного уставший голос Андрея, и вся напрягаюсь.

Уверена, сейчас ему дико хочется закурить, и он даже тянется в карман брюк за сигаретой, но опомнившись, просто сминает её пальцами. Так часто происходило во время переговоров, на которые мы ходили вместе с Андреем.

- Соня мне всё рассказала. Как ты мог так поступить, Андрей?! – громко звенит в коридоре мамин голос.

Кажется, я перестаю дышать в этот момент, а предатель молчит несколько долгих секунд, а потом я слышу из-за две-

ри холодный, пропитанный явным недовольством голос:

- Это только наши с Соней проблемы, мы сами всё решим, не лезьте куда Вас не просят, Лидия Васильевна.

Заставляю себя сделать глубокий вдох.

- А ты мне рот не закрывай, паразит! Я тебе дочь свою доверила, а ты, паскудник, по чужим койкам поскакал! Как козёл горный полез высоты новые покорять! Ну и как?! Хорошо там?! Нашёл что-то кроме потасканной мамзели этой рыжей приблуды?!

- Давайте без оскорблений.

- Да что ты говоришь?!

В коридоре слышится бойкий стук женских каблучков, а потом…

- Здравствуйте, Лидия Васильевна, - хоть голос Лены сейчас тихий, а не звенит тоненько колокольчиком, как бывает обычно, всё-таки сквозь полотно больничной двери я её слышу.

Сердце вдруг запинается, делает смертельный кульбит в груди и тут же подпрыгивает куда-то к горлу, начиная отбивать там рваные громкие удары. Всё моё тело снова начинает ныть, кожа покрывается болезненными мурашками, мышцы выкручивает.

Лена. Лучшая подруга… разлучница… мой личный враг.

Боже, ну почему я так реагирую на каждое её появление?

Пальцами сильно сжимаю тонкое одеяло и стараюсь делать равномерные глубокие вдохи, но как я ни стараюсь,

не получается. Живот напрягается, и свежий шов начинает сильно болеть.

- О! Прискакала, свистулька!

- Теть Лид, Вы чего? – так естественно удивляется бывшая подруга.

Сквозь боль усмехаюсь, а она мастер перевоплощения, и чего после школы не пошла в театральный?

-Я чего?! – мама не выдерживает и кричит, - а я тебе скажу, чего я! Ну и тварь же ты, Лена! Жениха у подруги увела, а ещё смеешь к ней в больницу таскаться?! Пошла вон отсюда, пока я тебе патлы твои паршивые не повыдирала!

- Теть Лид… я не… я… - она что там всхлипывает? Серьёзно?

- Лена, уйди, пожалуйста, тебе действительно здесь не место, - чётко, спокойно и без эмоций произносит Андрей.

Ну надо же! А тебе значит, предатель, здесь самое место?! Ничем ведь от неё не отличаешься!

Как бы я ни была холодна, но кровь в этот момент вскипает в венах, злость рвётся наружу, клокочет в груди, не давая дышать.

- Да-да, я уйду… конечно… извините… мне не надо было приходить, но… я переживала очень…

- Пошла вон, переживательница! И не смей больше к Соне приближаться, паскуда!

И снова быстрый стук каблуков разносится по коридору.

- Отлично! А теперь ты! – представляю, как сейчас мама

грозно смотрит на бывшего жениха, - катись отсюда, Андрей, и чтобы рядом с Соней я тебя больше никогда не видела!

- Ну уж нет! – злой, холодный, но уверенный голос бывшего жениха гремит у самой двери, - мне абсолютно плевать, на Ваше мнение, Лидия Васильевна, уж извините. Соня – моя женщина, моя невеста и я не оставлю её, даже, если Вам этого так хочется!

- Ой, как заговорил, послушайте его! А что ж ты, кобелина, раньше об этом не вспомнил?! Дочку мою променял на подружку её!

Даже в палате я слышу, как громко натужно вздыхает Андрей.

- Дурак был.

Глава 6

Андрей

Чёрт.

Как же всё хреново.

До ломоты в ладонях хочется треснуть несколько раз по рулю, но я лишь сильнее сжимаю на нём напряжённые пальцы.

Раннее утро.

В машине непривычно тихо. Радио уже несколько дней не включаю.

Быстро зло тарабаню пальцами по кожаной оплётке и поворачиваю к парковке.

Голова ужасно раскалывается, разбитые руки ноют, но са-

мое паршивое то, как яро печёт в груди… наверно, это совесть, да?

Совесть… видимо и у меня она всё-таки есть.

Привычно паркуюсь на своём месте около входа в ветклинику и выхожу из машины.

Сегодня непривычно морозно, но из-за того пожара, что бушует внутри меня, я совершенно не чувствую холода.

В голове сами собой постоянно на автомате крутятся события последних дней.

Соня и мой ребёнок… наш ребёнок, которого я так ждал…

«Так ждал, что не выдержал и полез на подругу невесты», - тут же не шепчет, а ехидно ржёт внутренний голос.

Блядь.

Сука, заткнись!

Без тебя тошно.

Громко хлопаю дверцей и быстро шагаю ко входу, но останавливаюсь у места, где лежала окровавленная… распятая Соня.

Снова передо мной встаёт эта жуткая картина.

Бля, как же я тогда испугался.

Руки тряслись, как у заправского алкоголика, а мозг будто превратился в желе.

Несколько секунд я просто пялился на бледную, лежавшую на заснеженном асфальте Соню и был в каком-то коматозе.

Рядом истошно орала Лена, и, наверно, именно её очередной вопль вырвал меня из оцепенения.

Мозг заработал, и я буквально слетел с этих чёртовых ступенек, подскочил к тяжело дышащей Соне. Руки будто зажили своей жизнью – отогнули ворот пуховика и нащупали рваный пульс. Дальше я на автомате позвонил в скорую. Трогать Соню в таком состоянии было крайне опасно, поэтому я не стал рисковать и везти её на своей машине в больницу.

А дальше всё завертелось… врачи, операция… ребёнок…

Тогда я впервые в жизни молился.

Там, сидя на корточках у дверей операционной, в которую меня, конечно же, не пустили, я сидел, опустив голову и прижавшись спиной к холодной стене, и молился… не знал правильных слов, но впервые просил Бога о чём-то.

Я не праведник, не безгрешный и далеко не ангел… скорее, наоборот.

Но я просил, умолял… требовал, чтобы мне оставили их… моих любимых и самых родных…

Он оставил в живых только Соню, но не оставил её мне.

Её просто оставили жить одну…опустошённую, выпотрошенную, с раскуроченным телом и огромной кровавой раной в душе.

Он заставил её отвечать за мои грехи.

Руки сами собой сжимаются в кулаки, челюсти со скрежетом смыкаются, глаза наливаются кровью.

Стою, не двигаюсь.

Дикая злость ядом разъедает всё внутри.

Почему она, а не я?!

Уже в тысячный раз задаю Ему этот вопрос, но он всегда остаётся без ответа.

Вот и сейчас абсолютная тишина.

Не замечаю, как едва затянувшиеся раны трескаются, вижу только алую кровь на месте, где она лежала… где умирал в адских мучениях наш сын…

В груди всё вскипает, ломается, с хрустом перемалывается в кровавое месиво.

Боль адская.

Отчаянный крик рвётся наружу, но я лишь сильнее сжимаю челюсти и молчу.

Лишь одна мысль громким набатом сейчас бьётся вместе с сердцем во мне.

Я не оставлю Соню одну!

Не отдам её.

Не смирюсь.

Не оставлю.

Пусть проклинает, ненавидит, считает предателем, но я буду рядом!

Вместе мы со всем справимся.

Это моя ошибка, мой грех и мой крест, и я не позволю тащить его ей.

Отрываю взгляд от обагрённого кровью снега и решительно шагаю вперёд. Не останавливаясь, быстро взбегаю по

лестнице и вхожу внутрь.

- Давай-давай! Шмотьё своё собрала и на выход! – раздаётся на весь коридор, - нет, шалава, ты реально думала, что сможешь по-прежнему здесь работать?! У тебя что совсем мозгов нет??

Блядь.

Вот только этого сейчас не хватало.

Рыжуля… бля, я так привык её так называть, что и про себя уже говорю не Лена, не администратор, а Рыжуля…

Чёрт, надо прекращать весь этот цирк с конями и розовыми пони.

Лена тихо всхлипывает и молча кивает на едкие замечания Женьки.

Не выдерживаю и вклиниваюсь в бабские разборки.

- Что здесь происходит? – спрашиваю пока спокойно, с Женей мне ругаться совсем не с руки, но и лютовать с Леной я ей не позволю. Всё это уже слишком.

- Что здесь происходит?! – Женька резко оборачивается и смеряет меня с головы до ног и обратно плотоядным взглядом акулы. А я неожиданно отмечаю про себя, что сейчас она выглядит так, будто она девочка-подросток пятнадцати лет, а не замужняя взрослая женщина. В её глазах горит пожар, едкая ухмылка хищника красуется на лице и выносить мозг она мне, похоже, собирается вот этим высоким писклявым голосом, - от мусора избавляюсь!

Глава 7

Андрей

- Жень, давай спокойнее, - устало выдаю, смотря в её пылающие жаждой убийства голубые глаза.

Прекрасно понимаю, что ей хочется уничтожить Лену. Она теперь в клинике враг номер один для всех. Я, очевидно, номер два, но до меня им не дотянуться, поэтому будут срываться на Рыжуле.

- С какого перепугу я должна быть спокойнее?! Может мне ещё и заткнуться?! Сделать вид, что этой шлюхи здесь нет?! – блядь, началось. Как я ненавижу эти бабские истерики.

Женя складывает руки на груди, воинственно плечи расправляет и смотрит мне в глаза прямо, нисколько не стесняясь своего агрессивного вида.

- А ты что, Воронцов, будешь шалаву свою защищать?! Совсем совесть потерял?! – её голос переходит на высокочастотный визг, и я морщусь, - дорогой мой партнёр, а ты ничего не попутал?! – Женя делает шаг ко мне, подходит вплотную и тычет указательным пальцем мне в грудь, буравя меня взглядом полным ненависти. Да, я знаю, что она за Соню любого загрызёт, но никогда не думал, что когда-то грызть будут меня, - твоя невеста в ужасном состоянии лежит в больнице, она на таком большом сроке потеряла вашего ребёнка. Ты хоть представляешь, что это такое для женщины?! – она снова сверкает на меня своими злющими глазищами, - а ты здесь защищаешь свою проблядь?!

Лена громко всхлипывает.

- Женя! Хватит! – зло рявкаю, но девчонка не из пугливых.

- Знаешь, Воронцов, я от тебя такого не ожидала, - она брезгливо отшатывается от меня, некрасиво морщится и отходит на пару шагов, будто я зловонное дерьмо какое-то, - я в последние дни всё больше сомневаюсь, что мне нужен такой партнёр.

Отлично, блядь!

Приехали.

Сейчас ещё и с бизнесом встрять не хватало.

Вечно женщины всё в кучу мешают!

- Жень, ты издеваешься? Я вообще-то тоже ребёнка потерял, - стараюсь говорить спокойно, но, блядь, срываюсь, выбесила.

- Тогда какого чёрта ты сейчас здесь стоишь, защищая свою рыжую курицу, а не рядом с Соней?! Почему не вымаливаешь у неё прощение?! – безжалостно бьёт меня и Лену словами, - а я знаю почему так, Воронцов, - тараторит Женя не останавливаясь, - потому что плевать тебе на Соньку, ты об этой своей крале печешься гораздо больше, чем о своей невесте! – больно ранит словами, но я терплю, даю Жене высказаться, чтобы ей полегчало. Понимаю ведь, она тоже сильно переживает о Соне. Сколько лет уже дружат.

Вздыхаю. Хмуро смотрю исподлобья на нахохлившуюся как воробей, злющую, взлохмаченную Женьку.

- Я жутко разочарована в тебе, Андрей, - впервые за утро называет меня по имени, голос резко становится тихим уставшим, - будь добр избавь меня от созерцания твоей…

- Женя, - давлю голосом, перебивая. Бросаю быстрый внимательный взгляд на Лену.

Стоит бледная у стены, руками обнимает себя, глаза в пол опустила.

- Знаешь, Воронцов, Соня ведь, и правда, очень любила тебя… - Женя печально и так пронзительно смотрит мне в глаза, что я на секунду теряюсь, а в груди бурлящее пекло вновь вспыхивает, словно получив новую порцию дров, - как ты мог поступить так с ней?..

Женя качает головой и, больше не взглянув на нас, уходит, а я решаюсь посмотреть на Лену.

Даже сейчас полностью сломленная, с опухшими веками, красным носом и бледными щеками она притягивает к себе внимание.

Думаю об этом и тут же себя одёргиваю.

Блядь, какого хрена?!

Женя права, мне бы о Соне сейчас заботиться, прощения вымаливать у неё, а я снова как блудливый пёс глазами рассматриваю Рыжулю.

Самому становится от себя противно, и я быстро отвожу взгляд от Ленкиных голых коленок.

Вздыхаю и ладонями растираю лицо.

- Лен, ты же понимаешь, что здесь остаться работать не

сможешь? – чувствую себя мудаком, когда говорю это.

Блядь, как же курить хочется.

Пальцами подхватываю сигарету из пачки и киваю девчонке на коробку с вещами.

- Всё собрала?

- Да, - глухо отвечает.

- Ладно, пойдём, отвезу тебя домой, - забираю у неё коробку и пропускаю Лену вперёд.

Идём в полном молчании.

Я стараюсь не смотреть на её покачивающиеся при ходьбе бёдра и округлые ягодицы, обтянутые тёмно-синей эластичной тканью.

Пиздец просто.

Надо срочно покурить… и выпить.

Открываю перед Рыжулей переднюю пассажирскую дверь. Она привычно садится в моё авто, при этом не касаясь меня даже взглядом, а меня это выбешивает.

Нет, я всё понимаю.

Она тоже гордая, а события последних дней прошлись по ней многотонным катком.

Ладно, блядь, действительно, пусть лучше не смотрит и молчит!

Закидываю коробку с её вещами на заднее сидение и сажусь за руль.

Внутри всё кипит.

Подкуриваю сигарету и с удовольствием втягиваю в себя

порцию никотина.

Учащённый пульс сразу выравнивается, а внутренний ад ненадолго затихает.

Да, вот так уже лучше.

Стартую и с пробуксовкой срываюсь с места. На Лену стараюсь не смотреть, полностью сосредоточившись на дороге.

Молчим.

Впервые за несколько дней врубаю радио, потому что тишина в машине не просто давит, она расплющивает, а нутро от дикого напряжения снова начинает клокотать.

Слышу, как Рыжуля вздыхает. Уверен, она прекрасно чувствует моё паршивое настроение… и это раздражает ещё сильнее.

Не должна она чувствовать так меня!

Не должна!

Резко останавливаюсь у Ленкиного подъезда. Не выхожу, чтобы открыть ей дверь.

Бесит. Как же вся эта ситуация бесит!

Откидываюсь на подголовник и прикрываю глаза, пальцы сами вытаскивают из мятой пачки новую сигарету.

- Андрей, - резко открываю глаза.

Её тихий голос звучит, как удар хлыста в сгустившейся тишине. Поворачиваю к ней голову, хотя, блядь, знаю, что не надо!

Не надо!

Но не могу противостоять своему желанию снова посмот-

реть на неё.

Лена медленно, будто нехотя поднимает на меня взгляд своих больших печальных зелёных глаз и тихо спрашивает:

- Что теперь будет? – нервно облизывает пухлые губы, и я залипаю на этом движении, - с нами… с Соней…

И смотрит на меня так, будто от моего ответа зависит её жизнь.

Блядь…

Сука.

Я знаю, что я должен ей ответить сейчас.

Знаю… но…

Блядь, как всё сложно…

Глава 8

Соня

- Мам, тебе уже можно вернуться домой, ну чего ты со мной как с маленькой здесь сидишь? – в очередной раз пытаюсь отправить маму домой, чтобы она смогла отдохнуть и выспаться в нормальных привычных условиях.

Тело ещё ноет, мне трудно переворачиваться на бок, живот тянет и болит, но передвигаться по палате я уже вполне могу самостоятельно, да и врач говорит, чтобы я больше двигалась.

- Ага! – мама отходит от окна и резко поворачивается ко мне, - чтобы этот кобель тут же к тебе прорвался?! – её глаза гневно вспыхивают, - или эта прошмандовка с покаянным видом и камнем за пазухой?! Нет уж! Я лучше тут побуду! И

тебе и мне так спокойнее будет.

Тяжело вздыхаю и поднимаю уставший взгляд к потолку.

Бесполезно.

Нет, я понимаю, что мама права, но она всё равно не сможет охранять меня здесь круглосуточно. Если Андрей действительно захочет увидеть меня, его никто не остановит.

Я, конечно, как только окончательно пришла в себя, сразу попросила, чтобы этих двоих ко мне не пускали.

Они мне никто. Оба их контакта я заблокировала, как только смогла держать в руках телефон.

Каждое утро курьеры приносят в мне палату цветы, но как только я вижу подпись в карточке «с любовью, твой А.», сразу отдаю цветы медсёстрам, пусть их радуют, а я не хочу, чтобы хоть что-то напоминало мне об Андрее.

Мне передавали, что Андрей несколько раз пытался прорваться ко мне, но был остановлен охраной внизу.

Шума он не любит, боится запятнать честь старинной дворянской фамилии, поэтому чтобы не допускать скандала, Андрей каждый раз отступает, но он упёртый и, я уверена, бывший жених найдёт способ пройти ко мне. Деньги и связи всегда приносят ему желаемый результат.

Возможно, пока он не пускает их в ход, чтобы дать мне хоть немного времени прийти в себя.

Заботу проявляет.

Невесело хмыкаю.

Или, может, хочет, чтобы я остыла после того, что увиде-

ла?

Если так, то он зря надеется.

Я уже вычеркнула и его, и Лену из своей жизни.

Мне откровенно плевать на них.

Любовь разбилась в тот вечер в осколки и умерла вместе с моим сыночком.

Думаю о моём малыше, и живот пронзает острая резкая боль. Осторожно накрываю рукой место, где ещё недавно жил мой сынок, и горькие слёзы наворачиваются на глаза.

Не могу простить себе, что пришла в тот вечер в клинику, и никогда не прощу.

Нужно было просто выгнать Андрея из дома, как только почувствовала измену, или собрать вещи и уйти самой… но нет! Мне же нужны были неопровержимые доказательства.

Я хотела увидеть всё сама!

Что увидела, дура?!

Дура!!!

Увидела и потеряла самое дорогое в своей жизни!

Куда мне теперь эти доказательства, к чему теперь эта правда?!

Зачем мне всё это нужно было?!

- Сонечка, ты что плачешь? – конечно, мама всё замечает и тут же подходит ко мне, а я быстро стираю дрожащими пальцами бегущие по щекам слёзы, не хочу её ещё сильнее расстраивать, - милая, всё ещё обязательно у тебя будет, - она меня так тепло, по-доброму обнимает, как в детстве, ко-

гда я прибегала домой с разбитыми коленками, что мне ещё сильнее хочется расплакаться.

Крепко-крепко прижимаюсь к маме, утыкаюсь лицом ей в плечо и не больше не могу удержать в себе эту страшную боль… тихо вою, скулю раненным зверем.

Мама поглаживает меня мягкой тёплой ладонью по волосам и спине. Она ничего не говорит, но я чувствую, как беззвучно содрогается её тело.

Мама тоже плачет.

Она искренне разделяет со мной эту кипящую адскую боль, и я ей благодарна за это… потому что у меня больше нет никого, кто мог бы поддержать меня… я одна в этом горе.

Не знаю, сколько мы так сидим, но через какое-то время становится немного легче.

Глухой стук в дверь заставляет нас отодвинуться друг от друга.

- Я посмотрю, кто это, - мама вытирает слёзы, поднимается с моей кровати, быстро поправляет на себе одежду и идёт открывать дверь.

- Добрый день, следователь Кузнецов, - представляется уверенным, хорошо поставленным голосом мужчина, и, кажется, показывает застывшей от неожиданности в дверях маме своё удостоверение, - врач разрешил мне пообщаться с Софией Ивановной. Можно я пройду?

Глава 9

Соня

- Как хорошо, что Вы пришли, - мама сразу вся подбирается, встаёт по струночке, распрямляет плечи. По ней уже и не скажешь, что она только что плакала рядом со мной. Она шире открывает дверь, отходит в сторону и пропускает в палату одетого не форму, а в обычный вязаный тёмно-синий свитер и джинсы мужчину, - у меня много чего есть Вам рассказать, - уверенно отчеканивает она и бросает на меня быстрый решительный взгляд, а я хмурюсь.

Что она такое собирается следователю рассказывать?

Приподнимаюсь на локтях и сажусь выше, поправляю за спиной подушку.

Блин, выгляжу я сейчас, наверно, ужасно… впрочем, какая разница.

Говорю всё это себе, а сердце то и дело испуганно сжимается в груди.

Честно говоря, я немного растеряна.

Никто не предупреждал меня, что должен прийти следователь, и я совершенно не ожидала его появления… хотя, наверно, он должен взять с меня что-то вроде пояснения по поводу произошедшего.

Пока никто не видит, тихо выдыхаю.

От этой логичной мысли становится немного легче.

Пока мужчина подвигает стул поближе, быстро смахиваю пальцами застывшие на щеках слёзы, нервно приглаживаю растрёпанные волосы.

Скрежет металлических ножек об пол рядом с кроватью, заставляет меня быстро взметнуть взгляд вверх, и я вижу, как Кузнецов садится на стул и заученным движением достаёт из кожаной папки пустой бланк и ручку, поднимает на меня тяжёлый пронзительный, но безумно уставший взгляд, а дальше начинается довольно неприятная и болезненная для меня процедура.

Мне приходится вспомнить и пересказать Артуру Валерьевичу, именно так представляется мне этот высокий, немного худощавый мужчина, все события того злополучного вечера, в том числе и причину моего вечернего появления в клинике.

На этом этапе я чувствую, как краска начинает заливать моё лицо. Розовеющие щёки начинает покалывать тысячами раскалённых острых игл. Дыхание резко сбивается, и я опускаю глаза вниз, стараясь успокоиться нервно тереблю пальцами тонкое одеяло.

Воспоминания ядовитым потоком беспощадно разъедают едва зажившие в душе раны, и мне сначала становится очень стыдно, а потом вдруг на языке растекается холодная горечь от пережитого предательства, и стыд исчезает.

Не я должна краснеть за этот поступок.

Уверена, что следователь обязательно опросит и моего несостоявшегося мужа и мою бывшую лучшую подругу. Вот пусть они и краснеют за свои действия.

Вздыхаю, поднимаю голову, прямо смотрю в глаза Кузне-

цову и начинаю свой рассказ.

Сбиваюсь, иногда ненадолго замолкаю, чтобы справиться с чувствами и вспыхивающими в груди эмоциями, но продолжаю говорить, хотя обо всём этом не то что рассказывать не хочется, вспоминать безумно противно.

Кажется, что снова погружаешься с головой в едкую зловонную мерзость, но тихие, почти неокрашенные эмоциями слова будто сами льются из меня быстрым, иногда сбивчивым потоком.

Когда все вопросы уже заданы и ответы получены, я, наконец, замолкаю и несколько раз глубоко вдыхаю тёплый воздух.

В душе становится пусто легко, словно я избавилась от неподъёмного груза, и только я успокаиваюсь, как в разговор со следователем вступает мама.

- А теперь послушайте меня! – резко обращается она к Кузнецову, и мужчина поворачивается к ней.

Я вижу, как меняется его взгляд – из холодного, отрешённого и уставшего, он становится живым и заинтересованным… и я понимаю, что мамины слова следователь не пропустит мимо ушей, а наоборот, ухватится за них.

- Мам, давай ты не будешь говорить то, чего в действительности не знаешь. Тебя там не было, - пытаюсь остановить маму.

- Дочь, мы тебя долго слушали, - она смотрит в мои глаза и я вижу, как ярко горит в ней решимость идти до конца, -

но у тебя своя правда, а у меня своя! – уверенно и громко заявляет мама, и я отчётливо понимаю, что всё! она уже закусила удила.

Ей известно, кто обидел меня, и сейчас всё, что она хочет – это справедливости и мести.

Враги должны быть повержены и наказаны.

Чёрт.

- Я Вас внимательно слушаю, - Кузнецов разворачивается всем корпусом к моей воинственно настроенной мамуле и достаёт новый лист из своей папки.

- Я уверена, что мою дочь столкнули специально. И я даже знаю, кто!

- Мам…

- Да, Сонечка, не вздыхай! Я уверена, что это твоя наглая подружка специально с разбегу врезалась в Андрея. Вот скажи мне, куда она так спешила?! У вас там пожар что ли был? Нет! – мама на мгновение замолкает, и в глазах её горит лютый гнев, - да, она просто подгадала момент и избавилась от твоего ребёнка! Освободила себе дорогу к Андрею!

- У Вас есть доказательства?

- Молодой человек, если Вы просмотрите видео с камер наружного наблюдения, то я уверена, что мои слова подтвердятся!

- Ясно, - как-то слишком выразительно вздыхает Артур Валерьевич, и это меня напрягает, - только вот тут у нас возникает одна проблема – все камеры, установленные по пери-

метру ветклиники в этот вечер не работали, увы.

- Вот твари! – мама резко отталкивается от стены, у которой стояла, и подходит ближе к нам, - я ж говорю, Соня! Всё не просто так произошло! Может, они всё это вместе придумали и провернули?!

Что-то неприятно царапает меня изнутри от этих слов.

Нет.

Я не верю, что Андрей с Леной это всё сделали специально… ну не настолько же они мрази…

- София Ивановна, - снова поворачивается ко мне следователь, - вот Вы мне сказали, что почувствовали, что между Вашим женихом и подругой что-то происходит, возможно, Вам изменяют, и решили убедиться в этом и увидеть всё собственными глазами.

Киваю.

Всё именно так и было.

- А Вы можете мне пояснить, почему Вы выбрали именно этот вечер, а не предыдущий или следующий? Что Вас сподвигло прийти в клинику именно тогда?

Глава 10

Андрей

Подкуриваю сигарету и приоткрываю окно.

Внутри всё сжимается, выкручивается, рвётся, препятствуя выбору единственно верного решения, и мне нужна хотя бы короткая передышка, чтобы подумать, окончательно всё решить и сделать свой выбор… хотя, на самом деле ни-

какого выбора нет и никогда не было.

Я всегда знал, что Соня создана для меня и под меня.

Она моя женщина.

Любимая женщина.

Пусть моя любовь чёрная и кривая… обезображенная, и, я знаю, что сейчас она приносит Соне столько боли, что, возможно, она никогда не сможет простить меня… но от этого всего мои чувства не перестают быть любовью.

Да, пусть неправильной, грязной, жестокой, но любовью.

В моём безжалостном сердце живёт только Соня.

Она его королева.

Другой никогда не будет.

Только моя прекрасная Соня… а я всегда буду её жестоким чудовищем.

Всегда, потому что никогда не отпущу её.

Лена – это похоть, страсть, азарт, новое мясо, которое мне захотелось попробовать, и, конечно, она никогда не была для меня особенной. Она просто - красивый рабочий рот, крутые покачивающиеся при ходьбе бёдра, упругая задница и грудь с вечно торчащими для меня сосками.

Пройти мимо такого экземпляра было сложно, и я решил оторваться перед свадьбой.

Слабак.

И, конечно, я никогда не говорил Ленке, что люблю её или уйду от Сони.

Нет.

Рыжуля всегда знала, что Соня для меня на первом месте, и не высовывалась. Меня это устраивало.

Днём мы вместе работали, а вечером в свои дежурства я просто жёстко драл её в своём кабинете.

Всё.

Так было до недавнего времени, но в последние дни до того злополучного вечера что-то во мне изменилось.

Нет, я не перестал любить Соню, нет! Но и Лена уже не просто посторонний человек для меня.

Чёрт, я даже не заметил, как эта девчонка пролезла мне под кожу, и понимаю, что выдирать её сейчас оттуда придётся уже с кровью, где-то даже наступая себе на горло… но это нужно сделать.

Сейчас.

Затягиваюсь, горький никотин приятно растекается по горлу, наполняет лёгкие.

Не спеша поворачиваюсь к приоткрытому окну и выпускаю в него белую струю дыма, а потом поворачиваюсь к ожидающей моего ответа Рыжуле и безжалостно рублю словами:

- Лен, я люблю Соню, - не щажу девчонку и ставлю жирную точку в наших отношениях.

Какое вкусное бы ни было мясо, оно со временем приедается. Да, я ещё не насытился этим телом за полтора месяца активного траха, и Рыжуля ещё притягивает меня, но пора завязывать с ней.

Нужно вернуть себе Соню, а с Леной мне лучше больше не

видеться… потому что, блядь, хочу её ещё сильно… пиздец, как хочу!

Сильнее сжимаю оплётку руля, но обратно отматывать не буду!

Хватит!

Перетерплю!

Ребёнка уже потерял из-за своего неуёмного желания, слабак!

Уймись.

Внутри меня сейчас бешеное желание борется с разумом, и второй всё-таки побеждает.

Хмуро смотрю на Рыжулю, вижу, как мои слова бьют её словно сильная пощёчина. Тень обиды пробегает по её красивому лицу, но девчонка не истерит и не плачет, а лишь молча кивает.

Бля…

Лучше б накричала на меня, кулачками своими маленькими побила, но не молчала!

Руки так и тянутся к ней, чтобы притянуть к себе, жадно обнять, успокоить, но я сдерживаю свой животный порыв, а Лена, опустив голову и больше не смотря на меня, выходит из машины и, стуча высокими каблучками, быстро идёт к своему подъезду.

Мрачно наблюдаю за ней.

Настроение паршивое.

Кажется, что всё сделал правильно, но почему-то самому

от себя противно.

Телефон на приборной панели начинает пищать, и я, не глядя, быстро принимаю звонок.

- Здесь была полиция! – без приветствий начинает сразу орать в трубку врач Сони, которому я прилично заплатил, чтобы тот молчал об операции как рыба… дохлая рыба, - я больше не буду ничего скрывать от пациентки! Я не могу! Меня же посадят!

Глава 11

Соня

- Мам, спишь? – тихо спрашиваю и запоздало смотрю на часы в телефоне.

Блин.

Времени уже почти два часа ночи, а я решила поговорить.

Балда.

Ругаю себя.

Мама и так здесь не высыпается, ещё и я лезу посреди ночи со своими разговорами.

Но эти ужасные мысли, они не дают мне покоя. Жужжат и жужжат в моей голове. Я снова и снова прогоняю в памяти тот роковой вечер, своё падение, полные ужаса глаза Андрея на лестнице и поведение Лены, и что-то неприятное мрачное в груди поднимается, ворочается, царапает меня изнутри.

И вопрос следователя не выходит у меня из головы.

Почему я пришла в клинику именно в этот вечер?

Бросаю быстрый тревожный взгляд на маму. Она сверну-

лась калачиком на небольшом диване у противоположной стены и мирно посапывает.

Хорошо.

Значит, я не разбудила её.

Тихо, стараясь не шуметь, откидываю одеяло и медленно сползаю с кровати. Всё тело по-прежнему болит. Ходить, сидеть, переворачиваться на бок очень больно, но я знаю, что мне необходимо двигаться, поэтому заставляю себя вставать с кровати и медленно аккуратно ходить по палате.

Опираясь на кровать, просовываю голые ступни в привезённые мамой пушистые тёплые тапки и, придерживая одной рукой живот, стараясь не шаркать по полу, иду к окну.

Тяжело выдыхаю, когда дохожу, отодвигаю пальцами штору и опираюсь ладонями на широкий подоконник.

За окном тихо, даже ветер сегодня ночью не воет. Медленно кружась в танце падают на замёрзшую землю пушистые снежинки. Я вижу их в свете старого фонаря, который горит прямо напротив моего окна.

Даже природа сегодня находится в умиротворении, и только я не могу найти покоя.

Опускаю голову вниз и снова возвращаюсь к своим тревожным тяжёлым мыслям.

Так что же меня заставило в тот вечер вернуться в клинику?

Закусываю нижнюю губу и вспоминаю.

На работе всё было как обычно. Во время беременности я

ограничила приём пациентов и в основном работала с бумагами, часто пересекалась с Леной, так как она администратор нашей ветклиники.

У Андрея в тот вечер было дежурство, и я собиралась поехать домой на такси одна.

Лену я увидела в раздевалке. Она, приподняв подол платья, поправляла резинку чулок.

И вроде бы ничего такого в этом не было, но неприятная разъедающая меня уже некоторое время тревога снова приподняла голову.

- Ты уже уходишь?

- Да, может, поедем вместе? Посидим где-нибудь? – предложила.

- Извини, Сонь, - ответила тогда мне Лена и закусила губу, будто борясь с собой и боясь сказать мне что-то лишнее, а я тогда посмотрела ей в глаза и заметила, как ярко… победно они блестели.

Внутри снова больно кольнуло.

Предчувствие или, может, уже тогда я всё поняла, сложила пазл воедино.

Я слишком хорошо знала подругу и прекрасно понимала, что она сегодня встречается с мужчиной. Её учащённое дыхание, горящие румянцем щёки, светящиеся предвкушением глаза мне отчётливо говорили об этом… а ещё мозг тревожно напоминал, что сегодня Андрей останется в клинике.

Ревность ядом растеклась в душе, но я заставила себя про-

изнести:

- Ты задержишься сегодня? – каким-то не своим… неживым голосом спросила и посмотрела подруге в глаза.

Ну же! Скажи «нет»!

Про себя я тогда отчаянно молила, но сердце уже давно знало ответ… оно всё замечало – их взгляды, улыбки, касания… «они любовники» говорило оно мне не раз, но я отказывалась слушать… не хотела верить ему, но когда Лена стыдливо отвела взгляд и тихо ответила:

- Да… с бумагами надо поработать ещё… извини, Сонь, - я ему поверила… и Лена, проводившая тогда меня жалостливым взглядом, тоже всё поняла – она видела, что я обо всём догадалась…

Ничего не соображая, просто на автомате я вышла из клиники и куда-то брела по замёрзшей улице. Холодный злой ветер бил в лицо, а я ничего не чувствовала... и даже того, как горячие слёзы катились по моим щекам и застывшими прозрачными каплями падали вниз…

А примерно через полчаса я повернула обратно.

Глава 12

Соня

Утро наступает неожиданно.

Кажется, моя голова ночью только коснулась подушки, и я закрыла глаза… и вот меня уже тихонечко будят.

- София Ивановна, повернитесь немного, я быстренько шлёпну Вам укольчик, и спите дальше, - приятный заботли-

вый голос уже не молодой медсестры Агнессы Егоровны будит меня, и я осторожно переворачиваюсь на нужный бок.

Мне нравится эта немного полноватая, невысокого роста женщина с всегда собранными в аккуратный пучок седыми волосами под прозрачной шапочкой. Она не задаёт ненужных вопросов, не смотрит на меня с жалостью и не бередит мои раны, а просто по-доброму делает свою работу.

Я даже не замечаю, как сейчас она ставит мне укол, только направленной ей рукой придерживаю намоченную спиртом ватку.

- Спасибо, Агнесса Егоровна, у Вас золотые руки, - переворачиваюсь обратно на спину и благодарю женщину.

- Да уж сколько лет практики, - она улыбается и прячет несколько выбившихся седых волос обратно под шапочку, - стыдно что-то плохо делать уже или не уметь.

Она быстро собирает свои инструменты и почти выходит из палаты, но в дверях вдруг останавливается.

- Вы меня извините, София Ивановна…

- Можно просто Соня, мне так привычнее, - поправляю медсестру и улыбаюсь.

Она пару секунд колеблется и кивает, а потом продолжает:

- Соня, вчера поздно вечером приезжал твой жених, - осторожно произносит она и бросает на меня быстрый встревоженный взгляд, но ни один мускул на моём лице не дёргается, лишь в душе разливается едкая горечь, - он приходил к твоему врачу, и я слышала, - её голос становится ещё тише,

- они очень сильно ругались.

Внутри поднимается буря эмоций.

Андрей был здесь и поругался с моим лечащим врачом.

Неприятное предчувствие расползается лютым холодом в моей душе.

Тут же вспоминаются обрывки разговора, который я слышала, когда находилась в реанимации. Вообще, я всё это время считала, что мне он приснился или просто померещился, но сейчас я уже не так уверена в этом.

Волнение внутри нарастает. От страшного предчувствия чувствительные волоски на моей коже болезненно приподнимаются и сонмы мурашек рассыпаются по телу.

Что могут скрывать от меня эти двое?

С трудом сглатываю вставший в пересохшем горле ком и решаюсь спросить:

- Агнесса Егоровна, а Вы не слышали случайно причину их ссоры?

- Ах, Сонечка, - она тихо вздыхает, - я просто проходила мимо ординаторской в этот момент – помогала пациентке дойти до туалета, и многого не слышала, но Антон Сергеевич точно пару раз прокричал, что скрывать больше ничего не будет, а жених ваш ответил что-то про деньги, я не расслышала, он тихо говорил.

- Понятно. Спасибо, что рассказали.

- Не за что, девочка. Выздоравливай.

Агнесса Егоровна выходит из палаты и тихо прикрывает

за собой дверь, а я остаюсь наедине со своими беспокойными мысли… и мне совсем не нравится, в каком направлении они двигаются.

Что может скрывать от меня врач?

Ошибки в лечении, назначении препаратов?

Нет, тогда бы Андрей первым поднял всю клинику на уши.

Снова отматываю время назад и пытаюсь дословно вспомнить тот разговор, что я слышала, когда ещё не полностью отошла от наркоза… и вдруг воспоминание разрядом тока проносится по моим оголённым нервам…

Андрей просил врача что-то скрыть от меня!

Боже…

Нервная дрожь пробегает по телу, и я обнимаю себя руками, живот начинает болезненно ныть.

Что Андрей хочет скрыть от меня?!

На какое предательство ещё он готов?

В голове настоящий хаос из мыслей, но я удерживаюсь только за одну – он мог попросить моего врача скрыть последствия операции, а их может быть две: у меня серьёзные проблемы со здоровьем, и вторая… мой малыш… это как-то может быть связано с ним.

Господи, а если он жив?!

Несколько минут лежу и не двигаюсь, пустым взглядом смотрю в стену напротив, а потом медленно поднимаюсь и встаю с кровати.

Я должна всё выяснить.

Выхожу в коридор и, придерживаясь за стену, медленно иду на пост.

Агнесса Егоровна заполняет журнал и не замечает меня, поднимает взгляд, только когда я останавливаюсь около стола, за которым она сидит.

- Сонечка, что-то случилось? – встревоженно произносит она, а я наклоняюсь к ней ближе и тихо спрашиваю:

- Агнесса Егоровна, Вы можете показать мне мою карту? Пожалуйста.

Глава 12

Андрей

Соню надо вытаскивать из этой паршивой больнички.

Это было ясно сразу, как только это светило бесплатной медицины заартачилось немного подыграть мне.

Сучонок.

Следователя он испугался.

Падаль.

Громко хлопаю дверцей и быстро сбегаю по каменным ступеням больничной лестницы. Злюсь сам на себя.

Чёрт!

Надо было сразу Соню в платную клинику везти! Там бы без проблем со всеми договорился! Но мой мозг совсем отключился в тот вечер, поэтому сейчас придётся это всё разгребать.

Сука.

Со злостью пинаю осколок льда под ногами и широкими тяжёлыми шагами быстро сокращаю расстояние до своего гелика. Пикаю сигналкой и быстро запрыгиваю внутрь.

В салоне тепло, но меня пробирает лютый озноб.

Распахиваю полы чёрного пальто, чтобы хоть немного согреться.

Чёрт!

Не хочу я, чтобы Соня сейчас всё узнала!

Не хочу добивать её.

Пусть восстановится хоть немного, пусть отойдёт, потом сам ей всё расскажу.

Я чё много прошу что ли?

Только немного времени.

Неделю, а лучше две… или месяц.

Чёрт, да лучше бы она вообще ничего никогда не узнала!

Но, блядь, это невозможно!

Мне бы хоть немного времени, чтобы выправить ситуацию, чтобы Соньку обратно к себе расположить и вернуть.

И надо же было ей тогда вернуться в клинику!

С силой бью по рулю и откидываюсь на подголовник. Тело безумно напряжено, адреналин бурлит в крови, пульс бешено стучит в висках.

Вот какого хера, Андрей, а?!

Какого хера?!

Бля, ну прокол за проколом!

Сука!

Наклоняюсь вперёд, а перед капотом гелика в этот момент проходят две девки.

Курточки едва задницы прикрывают, длинные стройные ноги обуты в высокие сапожки, перекаченные губы ярко накрашены.

Уныло провожаю их взглядом.

Бля… и вот кто-то на такое ведётся...

Прикрываю веки, и тут же перед мысленным взором появляется лицо моей куколки. Без тонн косметики, без филлеров, ботокса, силикона и прочей женской чухни Соня всегда прекрасна.

Хрупкая, стройная, женственная… но от похода налево это меня не удержало.

Чёрт.

Кровь расплавленной лавой растекается по венам, а в брюках вставший член упирается в ширинку, когда образ невесты сменяет Рыжуля в чёрных чулках и моей едва запахнутой на её аккуратной груди с вечно торчащими сосками рубашке.

До побелевших костяшек сжимаю руль и упираюсь в него холодным лбом.

Бля… не насытился я ещё ею… не насытился…

Знаю, что это помутнение рассудка скоро пройдёт, но сейчас тело ещё требует взять эту огненную дьяволицу и получить, наконец, долгожданную разрядку…

«У меня просто давно не было секса с Соней» - уговари-

ваю себя, но это ни хрена не убедительно даже для меня самого звучит.

И словно почувствовав моё настроение, телефон взрывается трелью, а с экрана на меня смотрит моя рыжая бестия с невинными зелёными глазами.

Убийственное сочетание.

Порочная невинность… невинная порочность…

Сука!

Снова бью по рулю, но на звонок отвечаю.

Слабак!

- Говори, - грубее, чем хотел, произношу.

Лена теряется, молчит, в трубке слышно лишь её рваное дыхание.

- Не молчи, Лен, - получается сказать уже спокойнее.

- Да… извини, что звоню, но нам нужно встретиться, Андрей, - голос Рыжули непривычно напряжён.

Молчу.

Встретиться с ней?

Ну уж, нет.

На хрен.

Лучше по телефону и никаких больше встреч!

Соня никогда не простит, и так у меня косяков хватает.

- Не самая лучшая идея, Лен, - слышу, как она тяжело вздыхает, но продолжаю давить, - говори, что случилось. Я не приеду.

- Да, наверно, ты прав. Нам не стоит встречаться, - она

медлит, а меня её молчание злит, и я нервно тарабаню по оплётке руля пальцами.

- Лен, не молчи, - не выдерживаю.

- У меня задержка, Андрей, - сиплым голосом выдаёт, а меня будто в ледяную прорубь с головой окунают.

Твою же мать…

Глава 13

Андрей

Дыхание обрывается.

Молчу, а потом резко откидываю телефон на торпеду. Пластик трещит.

Плевать!

Сдавливаю руками руль до жалобного скрипа оплётки, наклоняюсь вперёд и прикрываю глаза.

Бешеные эмоции рвут сознание в кровавые клочья.

Сначала с головой в ледяной душ окунулся, а сейчас в груди ярким пламенем разгорается ярость… на себя, на Рыжулю, на весь этот грёбаный мир!

Какого хрена?!

Я, сука, бьюсь, хочу всё исправить, а меня снова башкой об асфальт!

Бля… как же я устал…

Откидываюсь на спинку сидения, тяжело вздыхаю, оголённые нервы нещадно трещат от силы разрядов тока, что пробегают сейчас по ним.

С силой растираю ладонью грудь, в которой печёт и кло-

кочет злость.

Задержка… ребёнок… Рыжуля…

Как я, взрослый мужик, это допустил?!

Со свистом протяжно выдыхаю и резко распахиваю глаза, стараюсь взять себя в руки.

Заставляю свой зависший и охреневший от неожиданной новости мозг работать.

Есть же выход даже из этой паршивой ситуации!

Конечно, есть.

И на ум мне приходит то же самое, что и всем мужикам – аборт.

Да, я не отличаюсь оригинальностью.

Это слово звучит паршиво и неприятно царапает меня изнутри, но эта нехитрая операция или волшебная таблеточка на маленьком сроке точно избавят меня от нежелательного приплода, а ребёнок от Лены мне не нужен.

Совсем не нужен.

Кривлюсь и вздыхаю, поднимаю голову и не моргая смотрю в потолок.

Аборт.

Аборт.

Аборт.

Это слово сейчас бьётся в моей груди вместе с пульсом, отдаётся в висках… от него безумно трещит голова.

Вдыхаю побольше воздуха и тяжело выдыхаю.

Раньше бы усмехнулся, а сейчас чертовски не смешно.

Какая жестокая ирония судьбы.

Одного любимого и долгожданного ребёнка я уже потерял, а второго – ненужного и нежеланного сейчас так быстро и просто приговариваю к смерти.

Нет, это уже полный зашквар.

Несколько раз растираю руками лицо, стараясь привести себя в чувство, но не получается.

В груди - буря, в голове - хаос… в душе – мрак.

Смотрю на текущие на экране телефона секунды. Значит, Лена не бросила трубку.

Ждёт.

Нервно сглатываю, громко прокашливаюсь, прочищаю пересохшее горло и беру телефон в руку.

В динамике слышно рваное дыхание девчонки.

- Сколько дней? – произношу абсолютно без каких-либо эмоций в голосе, но тяжесть, растекающуюся в нём, Лена прекрасно чувствует, я слышу, как она шумно вздыхает.

- Почти неделя, - глухо отвечает.

Чёрт.

В правой ладони сжимаю до хруста металлический корпус подаренной кем-то из коллег ручки.

- Тест уже делала? – продолжаю допрос.

- Да, - едва слышно шепчет и, сука, снова молчит!

Набираю побольше кислорода в лёгкие и зло выпаливаю, с головой ныряя в пропасть:

- И?? Лен, хватит уже тянуть!

- Две полоски, - слышу, как она всхлипывает, - я несколько тестов сделала, думала, может один ошибся, - новый всхлип, - но… на всех две полоски, Андрей…

Супер!

Ручка с громким хрустом переламывается пополам, и я с силой отшвыриваю её.

- Сейчас приеду, - грубо бросаю в ответ и скидываю звонок.

Пустым взглядом смотрю вперёд сквозь лобовое стекло, а внутри всё перемалывается в фарш.

Поздравляю, Андрей, ты основательно встрял!

Если Соня узнает об этом, мне конец. Ни о каком прощении не будет и речи.

Невеста уйдёт и никогда не вернётся.

Исчезнет. Растворится. Скроется от меня навсегда.

От этих мыслей ледяной озноб пробегает по телу, и сердце на несколько секунд замирает, а дыхание рвётся.

Резко нажимаю на кнопку старта, завожу машину и с пробуксовкой срываюсь с места.

К чёрту сантименты!

Если понадобится, я сам притащу Ленку на аборт или суну таблетку ей в горло!

Ни она, ни потомство от неё мне не нужны!

На огромной скорости лечу по практически пустым в это позднее время дорогам.

Сознание подозрительно быстро прочищается, становит-

ся кристально ясным и чистым, будто оттуда в одно мгновение вылетели все ненужные и неважные мысли и желания.

Сейчас в голове бьётся лишь одна мысль – защитить Соню!

И для этого я готов на всё… даже на самые радикальные меры.

Глава 14

Андрей

Сижу в машине и курю, выпускаю тонкие белые воздушные струи в приоткрытое окно.

Дым приятно холодит лёгкие и хоть немного успокаивает бешеное биение сердца.

Заходить к Ленке я не собираюсь.

Хватит, набегался.

Больше никаких походов налево, достаточно уже накуролесил. Пора выдирать эту блядскую привязанность к ней с мясом.

Поворачиваю голову, когда железная дверь обычной панельной пятиэтажки с противным скрежетом открывается.

Лена выпархивает из облезлого подъезда, как прекрасный и хрупкий мотылёк – в белом длинном пальто с накинутым на голову капюшоном. Огненные кудри рассыпаны по груди и робко подпрыгивают при каждом аккуратном движении Рыжули.

Красивая, сука, очень красивая и отлично умеет пользоваться своими внешними данными, и я тот самый лох, кото-

рый на это повёлся.

Идиот.

Не выхожу из машины и внимательно слежу за девчонкой.

Лена хаотично осматривается по сторонам, ищет меня глазами, а когда замечает мою машину, стоящую чуть поодаль от неё, на мгновение теряется и даже злится.

Опа! Вот так сюрприз!

А вот и настоящие чувства наверх полезли. Стоило только дойти до точки невозврата и вот вам, пожалуйста!

Нет, конечно, это всё почти незаметно происходит, слишком быстро девчонка успевает нацепить на своё лицо робкую счастливую улыбку, но я успеваю рассмотреть в её больших зелёных глазах бурю недовольства и острую колкую злость.

Однако.

Кто бы мог подумать…

Сам над собой горько усмехаюсь.

Втройне идиот!

Всё же было как на ладони, а я не заметил… или, скорее, не хотел замечать. Конечно, в тот момент меня всё устраивало, это сейчас, когда всё пошло под откос на бешеной скорости, я неожиданно начал прозревать.

А девочка, то совсем не проста оказалась.

Очевидно же, что Рыжуля из кожи вон лезла, чтобы занять место Сони, а я почему-то решил, что у нас просто ни к чему не обязывающая интрижка.

Болван.

Интересно, а презики она дырявила или бебик всё-таки сам нарисовался?

Или беременность – это просто очередная ложь, как и то, что её всё в наших временных отношениях устраивает??

Злюсь на себя, резко откидываю окурок выжатой до фильтра сигареты и выбиваю из мятой пачки новую, чиркаю зажигалкой и снова затягиваюсь.

Рыжуля подходит к двери, и я снова не выхожу открыть даме дверь.

Не хер.

Перебьётся.

Пора кисуле привыкать к другому отношению, а мне пора начинать жить без райского удовольствия, которое она может подарить.

Лена топчется пару секунд у закрытой двери и, не дождавшись меня, своими аккуратными тонкими пальчиками открывает её и, аккуратно поправив полы пальто, садится рядом со мной.

- Привет, - тихо здоровается, видимо, не совсем понимая, как теперь себя со мной вести.

Выдыхаю очередную порцию горького дыма в приоткрытое окно, на Лену не смотрю, но чувствую её острый взгляд на себе.

Тяжело вздыхаю и вышвыриваю недокуренную сигарету из машины. Медленно поворачиваюсь к притихшей девчонке.

- Ну, привет, Лен, - смотрю на неё прямо, не отпускаю её скромного, как мне всегда казалось, взгляда. Да, только сейчас мне всё видится по-другому, - может быть, попробуешь мне объяснить, как же так получилось, что у нас с тобой лялька нарисовалась? Мы же с тобой на берегу всё обсудили, - произношу спокойно, но Лена чувствует раскалённую сталь в моём голосе.

Рыжуля нервно закусывает губу, и вот сейчас она не играет, ей действительно страшно находится со мной рядом, она же привыкла видеть меня другим.

Спокойным, уважительно к ней относящимся и выполняющим все её сексуальные желания. Я дарил Рыжуле подарки, ублажал её, финансово обеспечивал - не критично, но денег давал. Очевидно, Лена считала, что я у неё в руках, только вот я её просто использовал.

Мне нравилось пробовать новое сочное мясо. Да, девчонка как какая-то зараза пробралась внутрь меня, но Соня будет моим противоядием от неё.

Лена смотрит на меня растерянно и даже испуганно.

Да, малышка, я могу быть и таким.

Жёстким, даже жестоким, надменным и беспощадным… к своим врагам, а Рыжуля теперь мой враг номер один и я не пощажу её, раздавлю, сожгу и развею по ветру.

- Андрей, ты пугаешь меня, - снова шепчет и соблазнительно закусывает полную нижнюю губу, и раньше это бы подействовало, но не сейчас. Я на взводе.

- Лен, у меня не так много времени, - обрываю её, пусть сворачивает свои уловки, пора поговорить начистоту, - давай по-взрослому. Ни тебе, ни мне этот ребёнок не нужен, поэтому ты просто сходишь в больничку и выпьешь волшебную таблеточку, ок?

Отворачиваюсь от Лены, с силой сжимаю в ладонях руль и смотрю вперёд сквозь лобовое стекло.

Самому противно всё это говорить.

Слышу, как Рыжуля нервно сглатывает, а потом взрываюсь, когда слышу едва улавливаемое, но твёрдое:

- Нет.

- Что?? – резко поворачиваюсь к вмиг побледневшей Рыжуле.

Кровь в венах кипит, бешеный пульс бьётся в висках, и я едва сдерживаю себя то того, чтобы выбросить руку вперёд, сжать её тонкую шейку и просто сломать её.

- Я не буду этого делать… я… я отдам ребёнка вам с Соней.

Чего??

Глава 15

Соня

- Доча, ты чего такая напряжённая вся сегодня? – мама подходит к моей кровати и берёт меня за руку, поглаживает тёплыми пальцами мою холодную ладонь, - бледная, не говоришь ничего, всё какие-то думы думаешь, - она присаживается на край моей кровати и обеспокоенно заглядывает в

мои глаза, - Сонь, что происходит с тобой? Что тебя мучает?

Ловлю мамин встревоженный взгляд, но не знаю, что ей ответить.

В душе хаос, в мыслях полный сумбур.

Жужжащие в голове вопросы роем злых пчёл атакуют сознание.

Конечно, наверно, нужно поделиться с мамой своими сомнениями, всё-таки она самый родной мой человек и всегда поддерживает меня, но я не могу заставить себя вывалить все свои подозрения на неё.

Она и так никому не доверяет после моего падения и, наверно, правильно делает.

Андрею и Лене я теперь тоже не верю и, возможно, мама полностью права, когда считает, что упала я не просто так.

Я постоянно гоняю в голове воспоминания о том вечере. Теперь уже и я сильно сомневаюсь, что подруга случайно выскочила из дверей. Она вполне могла видеть то, что происходит на крыльце из окна, и если это так, то она убийца… но неужели Лена могла пойти на такое??

В голове не укладывается.

Мы же дружили с ней с детского сада, за партой одной в школе сидели. Да, потом жизнь развела нас, но мы поддерживали общение, и когда она переехала в столицу, конечно, я помогла ей с жильём и работой… а она… вот как она мне отплатила за помощь…

Боже… неужели она всё это специально сотворила?

- Соня! – взволнованным голосом зовёт меня мама, видимо, уже не в первый раз, и снова вырывает меня из вороха ужасных мыслей, - скажи мне в конце концов, что происходит!

- Мам, я тебя попросить хочу кое-куда съездить, - решаюсь всё-таки начать этот непростой разговор.

- Куда? – осторожно спрашивает мама, а я замечаю, как она воинственно нахохливается сразу, - я не хочу тебя надолго оставлять здесь одну, знаешь ведь, коршуны налетят, стервятники эти бесстыжие!

- Думаю, это займёт пару-тройку часов, - прикидываю в голове время на дорогу до нашей ветклиники и обратно, и ещё добавляю сверху полчаса на разговор и, возможно, на поиски нужного человека.

- Сонь, долго, - поджимает мама губы так, что они вытягиваются в строгую тонкую линию, - может, кого-то другого попросишь?

- Нет, мам, - мотаю головой, - тут я только тебе доверяю.

- Дочь, ты меня пугаешь. Куда съездить-то нужно? – уже с опаской в голосе спрашивает мама.

- Мам, не переживай, - заставляю себя улыбнуться, - ничего опасного и сложного, просто я больше ни на кого не могу в этом вопросе положиться, - мама понятливо кивает, но я всё ещё отчётливо вижу тревогу в её голубых глазах, - напротив нашей клиники есть панельная пятиэтажка, помнишь?

- Конечно, я там с Дарьей Семёновной общаюсь с первого

этажа, - чувствую, как мамино напряжение немного спадает, и сама расслабляюсь, не хочу пугать её.

- Тебе нужно зайти в первый подъезд, подняться на третий этаж в десятую квартиру, - мама кивает и тихо проговаривает про себя названный мной адрес, и я вижу, как шевелятся её губы, - там живёт Сергей Петрович Сидоров, и я точно знаю, что у него установлена видеокамера, которая выходит на нашу общую парковку. Возможно, с неё хоть что-то удастся рассмотреть.

- Соня, - вкрадчиво спрашивает меня мама, ближе наклонившись ко мне, - теперь ты тоже считаешь, что подруга твоя не просто так вылетела на улицу?

- Не знаю, но что-то свербит в груди и не даёт мне покоя, - признаюсь, - возможно, посмотрю видео с камеры и успокоюсь, а может быть… - не договариваю.

- А я тебе и без камеры говорю, что змея твоя Ленка и сделала всё специально! Потаскуха!

- Мам…

- Ну а что «мам»? А знаешь, я вот прямо сейчас и поеду к этому твоему Сергею… как его говоришь?

- Сергею Петровичу.

- Да, вот сейчас переоденусь и поеду! Нечего с этим делом тянуть! – мама встаёт, а потом резко оборачивается и спрашивает, - а чего ты следователю об этом не сказала сразу?

- Да я сейчас только вспомнила про эту камеру, - откидываюсь удобнее на подушку, - у нас авария пару лет назад на

парковке была, он предложил свою помощь. Так и узнала о камере. Может, и сейчас он нас выручит.

Минут через двадцать мама уходит, а я приподнимаюсь и поднимаю с тумбочки свой телефон, быстро листаю входящие сообщения, только вот среди них нет ничего от Агнессы Егоровны.

Разочарованно падаю обратно на подушку.

Что ж, придётся ещё немного подождать…

Глава 16

Андрей

- Лен, ты совсем с ума сошла?! – стараюсь говорить тише, но голос на крик срывается.

Дура!

Тупая бестолковая курица!

Прожигаю её ненавистным взглядом.

Уже ни красоты, ни сексуальности… ничего в ней не вижу! Только непроходимую тупость!

Лена закусывает нижнюю губу и взгляд вниз опускает.

Ну, давай заплачь ещё, идиотка!

- На хрен нам с Соней этот ребёнок?! Как ты, вообще, додумалась до такого?!

- Но ты же сам сказал, что… - с обидой тихо произносит и поднимает на меня полные слёз глаза, а я не церемонясь и не жалея её резко перебиваю.

- Никаких детей от тебя у меня не будет, это раз! – наклоняюсь к притихшей девчонке ближе, - и второе, ты выпьешь

чудо-таблеточку, и больше никто и никогда не узнает об этой беременности! Ты уяснила?! – зло смотрю в её зелёные глаза, совсем недавно казавшиеся мне колдовскими, и самого себя хочется придушить и чёртову Ленку тоже!

Она молчит, и я зверею окончательно.

- Ты меня поняла?! – рявкаю так, что Лена вздрагивает.

- Да, - неуверенно срывается с её губ.

- Вот и отлично! Завтра утром будь готова, я сам отвезу тебя в больницу. Сегодня договорюсь, чтобы нас приняли, - голосом давлю, и вижу, как Рыжуле это не нравится. Её щёки пылают от сдерживаемого гнева, пальцы судорожно сжимают полы пальто, но мне, честно, сейчас абсолютно плевать!

- Я всё поняла, Андрей, - а вот сейчас Ленкин голос вибрирует от злости, хоть, уверен, девчонка очень бы хотела скрыть от меня свои эмоции, но никак не получается, - я пойду.

- Иди.

Откидываюсь, наконец, на сидение и не смотрю, как выходит из машины Рыжуля, даже голову не поворачиваю больше в её сторону, лишь слышу, как с грохотом закрывается передняя дверца.

Сука.

Завожу машину и резко срываюсь с места.

Пульсация сердца бешеным ритмом отдаётся в висках, кровь кипящей лавой течёт по венам, а я лишь одну мысль держу в голове – завтра, с этой проблемой я разберусь зав-

тра!

Лена

Сижу в небольшом кафе напротив больницы, в которой лежит сейчас Соня. Неторопливо пью горячий чай и время от времени смотрю в окно её одноместной палаты.

На самом деле, странно всё это… мы же подруги с самого детства… настоящие, которые и в огонь, и в воду вместе… которые друг за друга горой…

Горько усмехаюсь своим мыслям.

Так было раньше.

Не сейчас.

Я предала.

Жестоко. Нагло. Бесчеловечно… но я не жалею.

Вздыхаю и снова бросаю тяжёлый взгляд на Сонькино окно.

Внутри неприятно что-то ворочается, острыми когтями царапает до крови по сердцу.

Что это? Совесть?

Нет её у меня, как оказалось… хотя в любви, как и на войне, как говорится…

Мысли снова утекают к Андрею.

Когда впервые увидела его обомлела, честное слово.

Красивый. Статный. Сильный.

Мужик.

Настоящий мужик.

Помню, как горло вмиг пересохло просто от его быстрого,

но такого пронзительного взгляда… эти холодные голубые глаза прожгли мне всю душу тогда.

Даже сейчас вспоминаю об этом, и сердце пропускает удар, а потом с силой бьётся о рёбра.

Можно ли влюбиться с первого взгляда?

Я никогда не верила в это, но судьба преподнесла мне урок.

Я полюбила.

Безумно. Страшно. Дико… а он был чужой.

Сонин.

Жених моей лучшей подруги.

Какое-то время чувства вспыхнувшие во мне боролись с совестью, дружбой, долгом… но страсть победила.

Я начала откровеннее одеваться, потом, видя реакцию Андрея, решилась на лёгкий флирт. Я видела, что эта игра в кошки-мышки увлекла мужчину и присутствие Сони на работе лишь сильнее будоражило кровь.

Андрей начал бросать на меня откровенные взгляды, потом к ним добавились лёгкие, как будто случайные прикосновения. Азарт взрывался пузырьками шампанского внутри меня… а потом мы сорвались.

Наша страсть обжигала, горящими углями полыхала на коже, заставляя моё сердце выпрыгивать из груди…

Тогда я забыла о чувствах Сони.

Мне стало плевать на них!

Да и разве мог Андрей её любить, если был со мной?!

Нет!

Я горела в сильных руках мужчины, и я видела такую же дикую страсть в его глазах…

А вчера в своей машине он смотрел на меня как на мусор. Словами бил наотмашь. Взглядом пытал.

Это словно был другой Андрей.

Но я не верю, что он остыл ко мне!

Не верю!

Просто вина давит на него.

Эта чёртова совесть!

Я понимаю это, поэтому сегодня рано утром я ушла из дома, чтобы Андрей не застал меня.

Поднимаюсь и выхожу из кафе. Колокольчик на дверях весело звенит мне вслед.

Холодно.

Кутаюсь в пальто и перехожу дорогу.

На душе погано, но я уже слишком далеко зашла, чтобы сейчас отступать.

Пора решить между мной и Соней всё окончательно.

Да, всё, что я сейчас скажу, её разобьёт, и она никогда не простит меня.

Да и пусть!

Мне её прощение не нужно!

Пусть знает, что Андрей мой мужчина и не нужно стоять на моём пути… тем более сейчас, когда она просто ничто.

Глава 17

Соня

После ухода мамы ко мне заглядывает мой врач, которого я уже, кажется, люто ненавижу.

Он снова просто проглатывает все мои вопросы касательно операции и ничего вразумительного не отвечает. Постоянно какие-то размытые общие фразы, и это уже в край надоедает мне.

- Антон Сергеевич, - сажусь на кровати, после того, как мужчина осмотрел меня, но ещё не успел встать со стула, - я бы хотела изучить свою историю болезни.

- Зачем это Вам, София Ивановна? – брови мужчины удивлённо ползут вверх, а уголки губ приподнимаются.

Его ещё и потешают мои просьбы!

Злость мгновенно кипятком пробегает по венам, и я непроизвольно сжимаю руки в кулаки.

- Я хочу знать ход операции и её последствия, - наверно, грубо и резко бросаю эту фразу, но сдерживать себя больше не хочу.

Теперь, когда я точно знаю, что Андрей платит этому человеку за его молчание, меня просто потрясывает изнутри от его наглой физиономии, от его голоса и этих дурацких ухмылок!

- Когда Вы будете покидать нашу больницу, я обязательно все выписки Вам выдам на руки, не переживайте, - он быстро встаёт со стула и отодвигает его обратно к стене, - а теперь извините, меня ждут другие пациенты.

Сцепляю челюсти и гневно прожигаю спину уходящего доктора.

Снова!

Снова ничего мне не сказал!

Апррр!

Тяжело протяжно выдыхаю и откидываюсь на подушку.

Я всё равно выведу его на чистую воду!

Хотя теперь у меня осталась одна надежда на Агнессу Егоровну.

Лишь бы она не передумала мне помогать!

Я так надеюсь, что у медсестры получится сфотографировать всё!

Злость и какое-то отчаянное понимание, что все вокруг что-то скрывают от меня, обжигают и раздирают меня на части, и именно в этот момент раздаётся громкий стук в дверь.

Снова присаживаюсь на кровати, поправляю подушку и поднимаюсь выше к изголовью, а когда вновь поднимаю взгляд сталкиваюсь им с зелёными глазами «подруги».

Секундное замешательство и ярость ярким пламенем взвивается вверх, сжигая в пепел все мысли и раскаляя сознание.

- Привет, Сонь, - Лена прикрывает за собой дверь и проходит на несколько шагов вглубь палаты, - думаю, ты понимаешь, что нам всё-таки нужно поговорить, - она не мямлит, а говорит чётко и уверенно, смотря прямо мне в глаза, и в её дерзком взгляде я вижу решимость.

Она явно не извиняться передо мной пришла… да и мне её извинения не нужны.

Лена будет отстаивать свою территорию.

- Убирайся, - спокойно отвечаю, но внутри всё моё тело вибрирует. Сердце мгновенно разгоняется до максималки, а кипящая злость огненной лавой несётся по венам.

- Нет. Мы должны объясниться.

Лена, нисколько не смущаясь, подходит ближе к моей кровати и пододвигает стул, неприятно шкрябая его ножками об пол.

Она садится напротив меня.

Гордая. Наглая. Уверенная в себе.

- Твои объяснения меня не интересуют. Ещё раз говорю – убирайся вон из моей палаты.

Но на мои слова Лена лишь сильнее выпрямляет спину и расправляет плечи, отчего её рыжие упругие локоны спадают на грудь. Она хочет показать, что холод в моём голосе её нисколько не трогает, но я вижу, как тень обиды мелькает на её красивом и наглом лице.

- Соня, я понимаю ты обижена, - Лена тянется к моей руке, и я тут же отдёргиваю её, зло сверкаю на заклятую подругу глазами, - не смотри ты на меня так, Соня! – она выкрикивает, а её взгляд на секунду темнеет от боли… но лишь на секунду, - да, я виновата перед тобой, но, оправдываться не буду!

А мне и не нужны твои оправдания.

Язвительные слова вертятся на языке, но вместо этого я беру с тумбочки телефон, достаю номер Андрея из чёрного списка и быстро печатаю ему сообщение:

«Немедленно забери свою звезду из моей палаты!»

Снова бросаю номер в блок, убираю телефон под одеяло и перевожу холодный взгляд на «подругу». Внутри клокочет злость, но душа рвётся в клочья, когда я смотрю в наглые глаза той, что предала меня, обманула, уничтожила, но вида я не подаю, насколько мне больно сейчас.

- Я люблю его, Соня, - с придыханием шёпотом произносит Лена, смотря мне в глаза, правда, люблю.

У меня сердце на пару мгновений останавливается, а потом больно ударяется о рёбра.

Неужели она думает, что мне нужны её откровения?!

- Пошла вон, - прожигаю «подругу» ледяным взглядом, а внутри меня ярость клокочет.

Лена молчит, и я понимаю, что это ещё далеко не все признания, что решила вывалить на меня любовница Андрея.

Она мнётся несколько секунд, а потом тихо выпаливает, решившись:

- Я беременна, Сонь.

А вот это удар ниже пояса.

Убийственный. Бесчеловечный. Смертельный.

Задыхаюсь.

Холодная пустота снова закручивается в моём пустом животе и в кровь режет меня ледяными осколками.

Не выдерживаю и накрываю ладонью свой впалый живот, и Лена замечает это движение. Жадно ловит его, и в этот момент в её глазах мелькает что-то страшное, и она ядовитым змеиным голосом произносит:

- Отпусти, Андрея, Сонь, не дави на его совесть. Он сейчас с тобой только из жалости. У тебя же не будет больше детей, а со мной у него будет полноценная семья - я смогу подарить ему и сына, и дочку…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.